

Кузовенкова Анна Игоревна

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ПАРЕМЕЙНИКЕ (ПО РУКОПИСИ РГБ, ТР. 4 ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV В.)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/11-2/54.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 11 (30): в 2-х ч. Ч. II. С. 152-154. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Уже на первых страницах романа Голдинг обращает внимание на то, с какой радостью и восторженным неистовством бьется сердце Джека при виде этой холодной и воинственной дикости, и как инстинктивно Ральф заторопился «домой». Еще тогда, когда трагедия, разыгравшаяся на острове, будет казаться невыносимой, сопринадлежность персонажей и их пространственное окружение предопределят грядущую катастрофу.

Ральф и Хрюша, олицетворяющие на острове силы добра, разума и созидания, предпочитают оставаться на солнце, спасаясь от жары в лагуне. Они заботятся о сигнальном огне, о строительстве шалашей, готовы утолять голод одними лишь фруктами. Их жизненное пространство словно очеловечивается самой природой; там все разумно, логично и целесообразно.

Джека и Роджера, олицетворяющих жестокость, чрезмерную агрессию и разрушение, неутолимо тянет в джунгли, где влажная тьма и зловещая тишина неминуемо должны разрядиться взрывом насилия и смерти: «Тишина в лесу была еще плотнее и гуще жары, и даже жуки не жужжали. Только когда Джек сам спугнул из нехитрого гнезда цветастую птаху, тишина треснула, раскололась и, разбудив сонное эхо, зазвенела криком, словно взмывшим из глубины времен. Джек даже вздрогнул от этого крика, со свистом сглотнул; и на секунду вместо охотника стал испуганной тварью, по-обезьяньи жавшейся к дереву».

Так, пространства главных героев строго определены и обусловлены. Отсутствие развернутых психологических характеристик и мотиваций поступков в романе с достаточной полнотой компенсируются подробнейшим описанием сферы действий, пространственными характеристиками. При перемещении персонажей их «своих» пространств в «чужие» они чувствуют себя явно неуютно. Это подтверждает и усиливает точку зрения относительно взаимосвязи персонажей с пространством.

Если обратиться к анализу пространственных отношений других героев романа, то здесь мы столкнемся с той же тенденцией. Рационалист Хрюша, цивилизованный и домашний, стремящийся во всем найти логику и все объяснить, неизменно находится «внутри пространства Ральфа», активно выступает в романе чаще всего на площадке для собраний - в месте проявления демократии. Ему настолько чуждо то «другое пространство», что его единственный выход туда заканчивается для него смертью. Символичным является и тот факт, что покидает «свой мир» Хрюша, ведомый «под конвоем» близнецов Сэма и Эрика, так как Джек и Роджер, похитив у него очки, лишили его способности видеть.

Что касается Роджера, то его пространственная характеристика является, пожалуй, наиболее символической в свете рассматриваемой проблемы. На наш взгляд, это самый зловещий образ в романе. На протяжении всего повествования этот герой находится фактически в тени. До поры до времени Роджер не оказывается в центре повествования. Его не увидишь веселящимся на солнце, беспечно играющим, что позволяет себе даже Джек. О том, что Роджера не привлекают обычные радости, говорит его описание внешности: «Он не особенно загорел с тех пор, как оказался на острове». Буквально несколькими деталями Голдинг дает понять, что этот персонаж еще сыграет свою роль в повествовании: «...темная грива, падая на лоб и шею, странно шла к угрюмости его лица; прежде казавшееся просто замкнутым, оно теперь почти пугало», или «Роджер открыл глаза, увидел его, и еще более тень напозла на смуглоту щек, но Джек ничего не заметил». В этом описании уже угадывается недобрая натура. А едва ли не единственная сцена, в которой Роджер выходит на первый план, когда он, спрятавшись в тени пальм, бросает камни в самозабвенно играющего Генри, со всей откровенностью показывает, что этот герой принадлежит совершенно другому миру, над которым Голдинг только приоткрывает завесу и который обнажается во всей своей жестокости и бессмысленности на последних страницах романа.

Когда действие переместится из «удобопонятного мира» той части острова, которую мальчики обжили, в дикую его часть, там, среди голых камней и скал, раскрывается во всей полноте звериная сущность Роджера.

Таким образом, мы видим, что каждый из героев романа выбирает себе «свое» пространство, по сути дела определяющее его характер.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ПАРЕМЕЙНИКЕ (ПО РУКОПИСИ РГБ, ТР. 4 ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV В.)

Кузовенкова Анна Игоревна

Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина

Паремейник - это книга, содержащая фрагменты (паремии), как правило, из Ветхого завета. Она использовалась во время богослужения в церкви. Однако впоследствии, начиная с XIV века, паремии стали включаться в Триоди и служебные Минеи, так что узкоспециализированный Паремейник постепенно начал выходить из употребления [Алексеев, 1999, с. 25]. Исследуемая рукопись Тр.4 находится в Российской государственной библиотеке из собрания Троице-Сергиевой лавры, она не издана и не исследована. В нашей статье речь пойдет о некоторых фонетических инновациях, нашедших отражение в Паремейнике: особенно - сти употребления буквы «ять», случаи аканья и переход сочетаний [кы], [гы], [хы] в [ки], [ги], [хи].

Отражение **ѣ**

По словам исследователей, произношение гласного на месте этимологического **ѣ** и отражение на письме данного произношения служит «важным критерием при определении места написания нелокализованных памятников XIII-XIV столетий и более позднего времени» [Ушаков, 1961, с. 36].

В Паремейнике отражено этимологически верное написание буквы **ѣ**. Также этимологический **ѣ** последовательно пишется в суффиксах сравнительной степени прилагательных: *премудрѣи* (4г), *мудрѣиши* (14б), *лукѣдиѣиши* (108в), *силѣиши* (122б) и др.; в глагольных формах, образуемых от основы инфинитива глаголов на **-ѣти**, и в связанных с ними именах: *кидѣниѣ* (3б), *кжелѣниѣ* (67б), *кѣжелѣша* (6в), *кѣзненѣкидѣхѣ* (2в), *желѣниѣю* (94г) *запустѣниѣ* (19б), *зрѣти* (14в), *истѣниѣ* (86г), *некидѣниѣ* (37б), *секудѣниѣ* (28б), *пожелѣкаѣ* (74в), *пополѣкаѣ* (66а, у Срезневского *пополѣти* «обгореть»), *препитѣти* (69в), *разумѣша* (3в), *кидѣниѣю* (33б), *скорѣкѣшихѣ* (125в), *кѣскудѣниѣ* (50г), *слѣтѣшасѣ* (52г), *оукидѣ* (17г), *оудолѣло* (24а), *оутолѣстѣниѣма* (42г), *хотѣниѣ* (33а) и т.д. Префиксальный **ѣ** - *нѣчѣто* (55а).

В большинстве случаев в суффиксах мн.ч. и дв.ч. повелительного наклонения в глаголах 1 и 2 классов в соответствии с этимологией пишется **ѣ**, но наряду с этим встречаются и написания с **и**: *придѣте* (4б), *кѣзмѣте* (37г), *рѣчѣта* (69в) и *рѣчѣте* (75в), *кѣсканкните* (56г), *сѣдите* (59г), *сверитѣсѣ* (77б), *вѣдите* (88а), *козмитѣ* (95г), *искиритѣ* (135а), *призокитѣ* (135а). Есть и противоположные замены **и** на **ѣ** в глаголах 4 класса: *козрѣчѣ* (29б), *полѣрѣчѣте* (99г). В говоре переписчиков Паремейника старое различие в образовании повелительного наклонения от глаголов 1 и 2 классов, с одной стороны, и глаголов 3, 4 классов, с другой, утрачивается. Унификация в образовании императива шла за счет вытеснения форм с **ѣ** формами с суффиксом **и**, свойственным 3 и 4 классам, а также формам ед.ч. глаголов 1 и 2 классов.

В падежных окончаниях имен существительных исконный **ѣ** употребляется:

1) в МП ед.ч. твердой разновидности ***о** и ***а**-основ: *кѣрѣмѣ* (2г), *кѣкиноградѣ* (3г), *приадѣ* (10б), *накѣстоѣ* (11в), *нашкѣлацѣ* (127а), *начѣрѣкѣ* (15а);

2) в ДП ед.ч. ***а**-основ: *рѣчѣ* (11г), *кѣженѣ* (14б) и т.д.;

3) в И-ВП дв.ч. ***а**-основ и слов среднего рода ***о**-основ: *кѣрѣчѣ* (25б), *нозѣ* (26а, 87в), *шкѣрамѣ* (43г), *какѣ* (80г), *шкѣстранѣ* (84в), *ланитѣ* (89б) и другие;

4) в МП мн.ч. ***о**-основ: *кѣзѣцѣхѣ* (2а), *градѣхѣ* (2г), *кѣдѣлѣхѣ* (15б), *кѣчлѣцѣхѣ* (27в).

Иновацией является использование **ѣ** в словах консонантного типа склонения: *мѣтерѣ* (101в), *кѣслѣсѣхѣ* (119б, в) и другие. Наряду с *дѣкѣполѣнци* (132в) встречается новая форма *дѣкѣполѣнцѣ* (100г) и т.д.

Буква **ѣ** встречается в мягкой разновидности ***о** и ***а**-основ в М-ДП: *кѣхранѣицѣ* (3г), *землѣ* (5в, 40а, 45г, 46а, 52а, б, 57б, 64в, 79а, 98г), *подокно кѣрѣ* (9а), *кѣжилицѣ* (11б), *кѣдѣсницѣ*, *кѣшюцѣ* (12г), *скинѣ* (41в), *кѣоукѣрѣздѣскинѣ* *кѣноздѣри*, *кѣсрдѣцѣ* (27в, 51а, 105г), *кѣпѣстѣиѣ* (21в, 61г, 67б, 99в), *кѣчашѣ* (33а), *кѣсонѣицѣ* (67б), *кѣилѣ* (101в), *наполѣ* (106а), *прилицѣ* (38г, 92б, 132а), *кѣчѣлѣнцѣ* (100г) и др. Унификация склонения происходит по твердому образцу, что характерно для большинства русских говоров центра и юга [Колесов, 1988, с. 5].

В следующих наречиях последовательно пишется буква **ѣ**: *кѣкупѣ* (6б), *кѣкѣ* (6г), *кѣскорѣ* (21в), *гдѣ* (10в), *доколѣ* (9г), *нидѣ* (117б), *ницѣ* (125в), *ниѣнѣ* (2г), *шѣселѣ* (67в), *шѣтѣдѣ* (11г), *послѣдѣ* (72г).

В падежных окончаниях местоимений буква **ѣ** последовательно пишется во всех случаях, где этимологически был данный звук. Сюда относятся: Д-МП ед.ч. личного местоимения *миѣ* (17а), формы местоимения в РП и МП мн.ч. *иѣхѣ* (1г), *кѣсѣхѣ* (2г), *кѣсѣхѣ* *сѣхѣ* (22а, вместо *сихѣ*), *кѣшнѣхѣ* (2г), ДП мн.ч. *кѣсѣмѣ* (5а), в окончаниях дв.ч. числительных *дѣка*, *шкѣа*, в окончаниях и суффиксах глаголов, в том числе всегда в аористе *кѣсѣ* с имперфектной основой и форме настоящего времени глагола *кѣжитѣ* с отрицанием - *нѣѣ*.

Аканье

Этимологические гласные **а** и **о** последовательно различаются всеми писцами Паремейника как в первом предупредительном слоге, так и во втором предупредительном и заударном слогах. На протяжении рукописи встречаются мены в заимствованных словах: *хѣракѣмѣ* (17в, 48б) и *хѣрокѣма* (123г), *азѣна* | *цѣра* (40б) и *шѣна* (23в), *алѣтарѣ* (49в, в остальных случаях - *шѣтарѣ*), *шѣлѣкафѣросѣ* (59в) и *алѣкафѣросѣна* (59г), *сѣрдѣжѣ* (91а) и *сѣрѣ* (128б), *алѣкафѣтомѣтѣ* и *кѣшѣлѣкафѣтомѣтѣхѣ* (108г), но эти случаи не могут служить достоверным материалом при решении вопроса о наличии аканья в говоре переписчиков, они известны древнерусской письменности с древнейшей поры. По словам исследователей, «в западнорусских (то есть старобелорусских) памятниках XIV века колебания в написании безударных **о** и **а** отмечены лишь для собственных имен иностранного происхождения» [Борковский-Кузнецов, 1965, с. 162]. Будучи по происхождению диалектным явлением, аканье впоследствии охватило говор Москвы и стало орфоэпической нормой русского языка.

Изменение сочетаний [кы], [гы], [хы] в [ки], [ги], [хи]

В истории русских говоров важным является процесс изменения данных сочетаний. Наиболее показательными при рассмотрении вопроса являются примеры написаний [ки], [ги], [хи] в незаимствованных словах и особенно в корнях этих слов, где не могло сказаться влияние аналогии.

В Паремейнике имеется достаточное количество материала для утверждения о том, что в языке переписчиков сочетания [кы], [гы], [хы] изменялись в [ки], [ги], [хи]. Соотношение выглядит следующим образом: кы - 159 случаев (кѣа|кѣа, 110г, кѣликѣи, 113в, ѡзѣкѣи, 113в), ки - 55 (кроме иностранных слов, в которых сочетания заднеязычных с гласными переднего ряда были возможны изначально, рѣки, 118г, ѡзѣки, 128б, кѣакина, 129б); хы - 12 случаев (хѣтѣ|цѣ, 138в, грѣхѣи, 43б, кѣтхѣхѣ, 115а), хи - 21 (кѣсхѣиенѣ, 115в, грѣхи, 138в, гѣхи, 92б); гы - 54 случая (кѣгѣа, 10в, гѣкѣнѣцѣа, 35в, многѣа, 52а), ги - 49 (погѣкѣнѣтѣ, 54б, многи, 77а, кѣги, 131б). Известно, что галицко-волынский говор уже во второй половине XII века характеризовался наличием сочетаний [ки], [ги], [хи] [Гольщенко, 1963, с. 23].

Таким образом, рассмотрение данных фонетических явлений дополнительно позволяет датировать исследуемую рукопись XIV веком и предположить о западнорусском (или юго-западном) ее происхождении. Однако для определения места написания памятника важны не только приметы фонетики, но и диалектологии.

Список использованной литературы

1. Алексеев А. А. Текстология славянской библии. Спб., 1999. 254 с.
2. Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965. 555 с.
3. Гольщенко В. С. Из истории русского языка XII в. (палеографическое и фонетическое описание рукописи Чудовского собрания № 12 Государственного исторического музея): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963. 26 с.
4. Колесов В. В. Изменение грамматических категорий имени в русском языке // Развитие частей речи в истории русского языка. Рига, 1988. С. 4-14.
5. Ушаков В. Е. О языке Устюжской кормчей XIII-XIV вв. Киров, 1961. 68 с.

ОБ ОСНОВНОМ ЗНАЧЕНИИ СТРУКТУРНОЙ СХЕМЫ THERE P_{SIMPLEVERBAL} S A_{PLACE}

Кузьмина Светлана Евгеньевна

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова

В настоящей статье рассматривается проблема определения значения английских предложений, в основе которых лежит структурная схема There P_{SimpleVerbal} S A_{Place}: There are eighteen holes in the ship (Strugatsky), There was pride in his voice (Dreiser), But there is one of her sisters sitting down just behind you (Austen) и т.п.

Вслед за О. Есперсеном [Есперсен, 1958, с. 155], английские предложения, построенные по данной схеме, и аналогичные типы предложений других языков (например, немецкое предложение с *es gibt*, французское - с *il y a*, датское с *der er* и др.) традиционно называют разновидностью бытийных предложений [Адмони, 1973; Актуализация предложения..., 1997; Анохина, 1995; Реферовская, 1996; и др.]. Как синонимичный нередко используется термин «экзистенциальные предложения» (ср. англ. existential sentences) [Арутюнова, 1976а, с. 229; Берка, 1961; Казарина, 2007; Каминский, 1975; Кораблева, 1972; Lamsden, 1988; Lyons, 1968; и др.]. О значении бытийности, или экзистенциальности, обычно говорят как о значении существования, как о смысле «быть действительным», «быть в действительности» [Канн, 1966]; в толковых словарях русского и английского языков понятия «бытие» и «существование» определяются одно через другое [Ушаков, 2005, с. 55, 1025; Ефремова, 2000, с. 140, 734; Britannica, 2004 и др.]. Интегральным значением бытийных конструкций, таким образом, признается значение существования (несуществования) чего-либо, существование (или несуществование) в мире или некотором его фрагменте объекта (класса объектов), наделенного определенными признаками [Арутюнова, 1976б, с. 18; Арутюнова, Ширяев, 1983, с. 8].

В то же время бытийность, существование предмета, часто понимается как идея наличия некоторого предмета в мире. См., например, следующее определение: «Бытие - философское понятие, концептуализирующее *наличие* (здесь и далее курсив наш - С. К.) явлений самих по себе или как данности в сознании, а не содержательный их аспект. Может пониматься как синоним понятий «существование» и «сущее» или же отличаться от них теми или иными смысловыми оттенками» [Словарь философских терминов, 2007, с. 66]. И в лингвистике термины «существование» («экзистенциальность») и «наличие» («презентивность») часто специально не дифференцируются; о бытийных предложениях, построенных по схеме There P_{SimpleVerbal} S A_{Place} и аналогичным схемам других языков, говорят как о предложениях «со значением существования (наличия)» [Актуализация предложения..., 1997; Казарина, 2007; Кораблева, 1972, с. 9]. В лингвистических работах нередко подчеркивается тот факт, что «значения наличия и существования взаимосвязаны, выражаются и часто воспринимаются как один категориальный смысл» [Актуализация предложения..., 1997, с. 128]; задача разграничения данных понятий при рассмотрении схемы There P_{SimpleVerbal} S A_{Place} или других структурных схем во многих исследованиях отдельно не ставится.

Ряд лингвистов дифференцируют понятия бытия, существования и наличия применительно к отдельным типам предложений в разных языках [Анохина, 1995; Бондарчук, 1987; Селиверстова, 1990 и др.].